

Deni Vrai

ТРОЕ В ШТАТСКОМ

Книга вторая

18+

Deni Vrai

Трое в штатском. Книга вторая

«ЛитРес: Самиздат»

2005

Vrai D.

Трое в штатском. Книга вторая / D. Vrai — «ЛитРес: Самиздат»,
2005

ISBN 978-5-5321-1709-9

Что может произойти на художественной выставке? Пусть даже вокруг царит хаос и бушует эпоха перемен, выставка — это место покоя, душевного комфорта. Именно в такое место и отправляется Василиса, пытаясь развеяться. После этого начинают происходить странные вещи. Она снова втянута в череду загадочных и пугающих событий. Если бы не новая подружка Марина, то неизвестно, чем бы все это закончилось.

ISBN 978-5-5321-1709-9

© Vrai D., 2005
© ЛитРес: Самиздат, 2005

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Предисловие

Сумасшедшие выходные. На одном дыхании. Я выжатый лимон.

Лифт трещит и грохочет, тащит меня на мой родной четвертый этаж. В стеклах деревянных дверей мелькает сетка.

Последний рывок, десяток ступеней, достать из сумки ключи... все. Теперь кажется все. Теперь если даже что-то забыла, уже все. Сбрасываю туфли, сумку надо... пакет... пакет надо в кухню... сумку... Роняю все еще в прихожей, ползу в комнату. Я решительно настроена поставить себя в ситуацию, когда смогу сказать «все» с полным на то правом. Диван, это то, о чем я думала, это мой финиш. Это последняя запланированная гавань для моего утасовывающего тела. Итак, криво заваливаюсь на мягкую обивку, руку на подлокотник. Голова не эстетично запрокинулась, упала на плечо. И ладно, пусть лежит как ей хочется. Мышцы расслабляются, последний вздох... под лопаткой чешется. Ой, сильно так зачесалось. Не буду чесаться. Вообще не буду двигаться. Сейчас последнее усилие и я скажу «все». Даже вслух смогу.

Спина так чешется.

Банное я ему положила. Белье есть. Костюм, футболки, брюки. Денежку дала. На всякий случай, пусть будет. Двести долларов было, как раз ему сто и мне пятьдесят. И когда я успела пятьдесят долларов потратить? Ничего такого не покупала.

Ну все? «Все»?..

Пятьдесят долларов. А что такое пятьдесят долларов неделю назад. Прошла неделя и я сегодня в «обменнике» поменяла последний полтинник. Нормально? Правда Дане в дорогу дала... Как он там сейчас, француз мой. На самолет, интересно, уже сели? Ну, если даже что-нибудь я и забыла ему положить... а туалетная бумага? Клала, клала, точно. Да даже если что, по триста долларов не зря же собирали, и ему еще дала, купит, если что... стоп, хватит!

«Все»?

Спина так чешется, прямо сил нет. Не буду чесаться. Сама должна пройти. А потом, когда я скажу – «все», надо пойти принять душ. Тем более убираться я сегодня не буду, нельзя пока Даня в дороге. Хорошо, значит сразу в душ. Перекусить надо.

Готовить не хочу ничего. Сделаю бутерброд и чай. Колбаса в пакете, надо убрать в холодильник. Спина чешется, и нога левая зачесалась. Может телевизор включить? Нет, сначала надо поставить точку.

Ну что? «Все»?

«Все»?

Неделя прошла. Как дурной сон схлынули прошлые выходные. Девочек след простыл. Матвей, Звездин. Ни от кого, ни слуху, ни духу. Как будто их и не было никогда. А может, ничего и не было?

Я вскочила с места, прошлепала в спальню, выдвинула ящик комода... было. Прямоугольные упаковки зеленых заграничных банковских билетов лежат стройными рядами словно маленькие бетонные блоки. Модельки бетонных блоков, позеленевших от времени на забытом долгострое. И что с ними делать? Надо их спрятать. Все, всегда эти «модельки» прячут. Но куда? И что потом? Вот уж не было забот.

Опять в голове чехарда. Хорошо, что у меня окна в квартире на две стороны. Продувается и почти не жарко. Я убрала колбасу, приняла душ, брожу из угла в угол в майке и шортах. Надо телевизор посмотреть, но не охота. После душа голова как будто очистилась, но все равно... дискомфорт какой-то. И думать не могу и не думать. Ерунда какая-то. Может лечь сегодня пораньше? Завтра на работу. Неужели все дело в деньгах? Я ведь о них даже не думаю. Просто не знаю, что о них можно думать. Но дело в них, они мне не дают покоя. Пока собирала Даньку в Париж, было не до того. Но мысль в голове все равно сидела. Сейчас понимаю, что она была

в моей голове постоянно, неотрывно. Забитая, задавленная, загнанная в самый дальний угол сознания, но она была, и как вода камень точила мои нервы. Стоило сбросить основные заботы, как стало ясно, что я измотана этой мыслью, этим «добром», свалившимся мне на голову. Надо ложиться спать... нет, рано, надо посмотреть телевизор... нет, надо перекусить, человек не может без еды. Без телевизора еще куда ни шло, а вот без еды. Поесть можно и без телевизора, а вот телевизор без еды может, однажды, уже и не понадобится. А впрочем, я съем бутерброд перед телевизором. Отлично.

Отвратительно. Жую бутерброд, смотрю в экран. Отвратительная суeta какая-то внутренняя. Не спокойно. Нет, это не с Даней связано, точно. Я бы почувствовала, это было бы по-другому. Все дело в «зеленом бетоне». Точно, бетон какой-то. Замуровали мою душу и свободу. Может перепятать? А зачем? Чтобы не украли? Да я мечтаю, чтобы украли. Мне вдруг ясно представилась картина, как я прихожу с работы, открываю дверь и понимаю, что в квартире кто-то был. Прохожу, осматриваю вещи, ничто не тронут. Все вещи на местах, все цело. Я даже не сразу догадалась заглянуть в комод, мне и в голову не приходит, что кому-то может быть нужно зеленое «добро». Заглядываю автоматически, везде смотрю, смотрю и там. Денег нет.

Сначала ступор. Первая мысль – а были ли вообще. Потом некоторая рассеянность и вдруг счастье, невероятная легкость, я прямо взлетаю, так мне стало вольготно на душе...

Ничего себе. Заснула сидя, прямо на диване. С ума сойти, уже на ходу засыпаю. Некоторое время меня еще держит пережитая во сне эйфория свободы. Наверное, сон помог расслабиться нервам. Легко встаю, собираю крошки бутерброда, прогуливаюсь по квартире. В комод, конечно, заглянула, но так, скорее проформы ради. Лежат и лежат, ну и пусть лежат. Карман не оттягивают.

Итак, прошла целая неделя. Ровно неделя с тех странных выходных, странных знакомств и событий. Целая неделя, а я еще ни разу даже не подумала, не взвесила, не посмаковала свои приключения. На улице еще только начинает смеркаться, а я залезла в постель, вытянулась, прикрыла глаза, даже губы облизнула. Занятно, с кого бы начать?..

Минут двадцать пытаюсь подумать о ком-нибудь из участников тех событий. Но никто не рисуется. Вернее портретное сходство я легко воссоздаю в воображении, но эти муляжи моей памяти не желают двигаться, говорить, вообще не живут. Зомби какие-то. Что о них думать? Так, случайные встречи, ничего особенного. «Ангел», Звездин, оперативный работник с «Петровки», как его звали? Зу... Зу... Зуб... Зубин... Зубкин... Зубастик... Зубенин! Точно. Зубастик – Зубенин. Кто еще? Миша, Матвей... Глупость какая-то. Все так далеко уже. Все это чужие, далекие люди. Что о них думать. Глупо.

Я открыла глаза, включила лампу, взяла книгу. Под хороший детектив, так сладко засыпается.

Глава 1

Ну, как и следовало ожидать, Михаил Кузьмич подготовил мне гадкий сюрпризик. Стоило мне заикнуться об отпуске, как у него тут же заблестели глазки, затряслись ручки, и оказалось, что у нас горит проект. Откуда он только взялся весь такой полыхающий. Впрочем, вроде договорились, что завершение этой срочной работы станет началом моего свободного полета. Что ж, сижу, кропаю.

Маринка впорхнула часов в пять, брякнула свое коронное – «пошли курить» и тут же изваяла на своем остроносом личике такую чудовищную муку и страдание, что я едва не потянулась к телефону вызывать «скорую».

– Ну и жара, – коротко охарактеризовала она свое состояние. – Я вся мокрая.

– Счастливая, – искренне выдохнула я и уперлась в непонимающий, хлопающий длинными ресницами взгляд. Она даже не представляет насколько лучше быть мокрой, чем вяленой. Пусть спросит у любой рыбы.

– Курить идем? – Маринка... ох, за что я ее обожаю, с такой легкостью проглатывает все мои перлы. Мгновение шока и если центральная нервная система не справилась с дешифровкой, программа просто утилизируется за ненадобностью. Марина вновь на волне.

– Идем, – я достала сигарету из пачки. – Тебе взять?

– Не, у меня есть.

Марина грохочет каблуками по черному от времени и отсутствия должного ухода паркету, рискуя окончательно раздробить его в мелкую щепку. Сама такая тонкая, звонкая, худющая, но как она несет себя. Это не походка манекенщицы, нет. Она не предлагает себя выбирать, она сама выбирает. Это походка воительницы, знающей цену себе и окружающим. Причем, окружающие в цене явно проигрывают. Она проткнет пол.

Я, про себя, называю ее дюймовочкой. С дюймовочкой мы познакомились... даже не знаю. Такое впечатление, что очень давно, но этого просто не может быть. Этой мелочи всего двадцать лет. Учится на политолога, но уже набирает стаж в отделе маркетинга крупной фирмы. Вот где огонь, вот где энергия и напор. Наверное, и дюймовочкой-то я ее назвала поэтому. Ведь не такая уж она и малюсенькая. Просто внутренний ее потенциал значительно превышает ожидаемое при такой изящной внешности. Впечатление такое, что ее разрывает изнутри, и стоит на лишнее мгновение остаться неподвижной, у нее внутри перегорят все провода и тумблеры.

Наша курилка – это подоконник женского туалета. Здесь мы с Маринкой находим свою временную гавань.

– Ну что, Василиса Васильевна?

– Что? – Я закуриваю.

– Идем?

– Куда?

– Ну-у, – она все еще тешит себя надеждой, что я смогу вспомнить сама и, судя по задраным на лоб бровям, меня это несказанно обрадует. Похоже, я что-то счастливое упустила в своей жизни.

– Мы идем... – подыгрываю я бесполезной затее.

– Куда-а, – тянет Маринка.

– Куда-то идем, – я сокрушенно жму плечами, но, боже мой, это же Марина. Она еще и грамма надежды на мою сообразительность не потеряла. Меня же беспокоит, не пообещала ли я ей чего-то такого, отчего зависит ее жизнь. Впрочем, вряд ли у меня найдутся меч, конь и женские доспехи.

– Мы идем туда, где собираются... – Марина подкинула еще немного информации.

– Собираются, – никаких озарений в памяти.

– Кто собирается? – продолжает растягивать слова Маринка. По ее виду я заключаю, что вспомнить не удастся что-то очень простое. Мне даже становится обидно. И я решительно выдвигаю версию:

– Собрание.

– Собрание? – Маринка непонимающе хлопает глазами. – Какое собрание?

– Собрание, – отмахиваюсь я. Честно говоря, тема мне порядком надоела.

Мне не надоела Маринка. Никогда. Что-то такое в ней есть, очень близкое мне по духу, ну или умильное, что ли. С любым другим человеком я бы еще в начале наших упражнений впала в глубокую депрессию с элементами истерики, но с Маринкой... у меня уже лоб болит от напряжения, устало трясутся сведенные брови. Чтобы не расстраивать это глазастое чудо генетики, пытаюсь сменить тему:

– А, кстати, зря в ваше время нет собраний. И на картошку сейчас в институтах, наверное, не ездят. А вот в наше время, я еще застала...

– Василиса Васильевна! – Маринка топнула ногой. Не собьешь ее с мысли. Несчастливая, тяжело ей будет замужем.

– Ну, не вспомню я что-то, Марин, – трагически сдаюсь я... как же, сразу она мне все рассказала и напомнила, держи карман шире. Китайская пытка продолжается:

– Василиса Васильевна, ты вообще кем хотела стать?

– Кем стать хотела, – я делаю глубокую затяжку, пожимаю плечами. Кем я хотела стать? Самой собой вроде бы не плохо. – А кем я хотела стать?

– Ну, кем?

– Человеком с большой буквы? – осторожно предполагаю я. Иронию в свой адрес Марина терпит редко.

– Василиса!

– Из того, что получилось, или из того, что не получилось?

– Ну, в какой институт ты еще поступала после школы, но не поступила.

– А, – я вздохнула с облегчением, хоть один ответ я знаю точно, – в театральный.

– Театральный? – Маринка опять хлопает глазами от удивления. – Ты в театральный поступала?

– Ну, да.

– И что, поступила?

– Как видишь, – отвечаю я, но начинают мучить сомнения, что и на этот раз я ответила что-то не то.

– А мне даже не рассказывала ни разу, – Маринка надула губы, но не надолго. Еще не закончена пытка. И что такого она мне могла говорить? Ну, совершенно не помню, что мы собирались куда-то идти. Куда мы можем с ней пойти? На дискотеку, что ли? Смешно. Музей? Несовременно. Боже мой, а может это склероз? Я уже такая старая?

– Василиса Васильевна, – вновь терпеливо тянет Маринка. – Давай спокойно, не торопись.

– Давай.

– Мы...

– Мы.

– Стояли здесь...

– Стояли?

– Стояли, – Маринка кивает в так словам.

– Мы стояли здесь.

– И ты мне сказала...

– Я сказала?

– Ты сказала, – кивает Маринка. – Ты.
– Я не говорила... по-моему.
– Говорила.
– Не говорила, Марин. Это знаешь, кто мог сказать...
– Ты говорила.
– Нет, Марин, сама подумай, нет, правда, у меня сын твой ровесник, почти... Мариш, я правда...

– Ты сказала, что когда тебе бывает одиноко... ты-ы...
– Я... я? Не-эт. Ты с ума сошла, Марин!
– Я?
– Ты.
– Почему?
– Ты что. Я что? Да ты что... нет, ну...
– Василиса Васильевна!
– Что?!
– Ты о чем?
– Я?
– Ну.
– А ты о чем?
– Я о картинах, – растерянно выпалила Маринка.
– А я, – до меня постепенно доходит, что я пошла на поводу у собственной мнительности, но с губ все же сорвалось признание: – А я о дискотеках... ну, там...

– О каких дискотеках? – Маринка еще в растерянности, но постепенно ее лицо начинает преображаться. Она в кои то веки вытянула из меня больше, чем могла рассчитывать. Эта поганка теперь меня замучает.

– А о каких картинах ты говоришь?

– Я-то о картинах, – вот гадость, уже надменно качает головой. – У меня в отличие от некоторых, – вздернула свою нос-кнопку, – мысли не только о дискотеках и всяких там «ну там». Я-то всерьез отнеслась к твоим словам, что ты рисуешь и, вообще, увлекаешься живописью. Я даже добилась приглашения на одну закрытую выставку, а что в итоге...

Ну, все, теперь мне долго не узнать покоя.

– Дискотеки, – протянула Маринка с выражением такой жуткой брезгливости на лице, что мне самой стало противно от собственной развращенности.

Ох, и поздно же очнулась моя память. Ведь действительно мы как-то говорили о том, что стоило бы провести экскурс по выставкам или может вообще выбраться на природу, где я могла бы развлечься с мольбертом, а Маринка бы купалась в ближайшем пруду или позировала мне. Но это был разговор из разряда не обязывающих помнить о себе. Впрочем, похоже, это мнение Маринка со мной не разделила. Она отнеслась к моему хобби серьезнее, чем я к ее вниманию. Что ж, я наказана. А еще я над ней иронизировала. Мне конец.

Постепенно, я кое-как выудила у Маришки всю информацию целиком. Выставку устроили несколько солидных, состоявшихся в своей области художников. Устроили ее на свои деньги. Предприятие хоть и коммерческое, некоторые картины можно будет купить, но все же основная цель именно сегодняшняя встреча, так сказать ветеранов кисти и мольберта. Именно сегодняшняя встреча для особо приближенных показалась Маринке наиболее интересной. Ну, тут уж можно поверить ее все пробивающему чутью. И она невесть какими путями умудри-

лась договориться с секретарем (к которому была направлена курьером) на приглашение для двух персон. Все-таки Маринка инопланетное существо, она черпает энергию напрямую из космоса. И почему она ко мне привязалась? Уж я-то самое земное из всех возможных. Земнее некуда. Точно! На моем примере она изучает человеческую расу. Такая ответственность! И я, по-моему, с ней совершенно не справляюсь.

Итак, мы едем в даль несусветную. За свою предательскую забывчивость я лишена голоса и даже не пыталась отказаться от внезапно упавшей на меня культурной программы. Провожу старательный внутренний аутотренинг, убеждая себя, что в целом мне повезло, и выставка это не так уж и плохо. Дела у меня внутри идут успешно, к тому же посетить современную выставку дело мне приятное. Несколько смущает ситуация вынужденности, своеобразного насилия над моей личностью. Страшно не люблю, когда решают за меня. Но с другой стороны, Маринка в этом отношении передо мной практически чиста. И приглашения она достала, учитывая мой интерес, и о дне выставки мне уже говорила. Ну, она же не виновата, что предыдущая неделя была для меня экстремальным забегом, а мои бессмысленные кивания в такт ее словам не означали радостного согласия. Если бы я ее слушала, то, скорее всего, согласилась бы с радостью, тем более целая неделя в моем полном распоряжении. Но так... Парадоксальная ситуация не на чем не основанного самообмана.

В конце концов, мои размышления меня успокоили, и к нужному адресу я подходила в положенном настроении, изнывая от любопытства и предвкушения интересного вечера. У входа нас встретил высоченный охранник, и Маринка протянула приглашение. Так, с собой я разобралась, пора реанимировать Маринку, она до сих пор демонстративно дует губы. Мерзавка жаждет крови. Но меня-то она не проведет, уж я-то знаю, как сбить эту ее напускную воинственность.

Под выставку был арендован первый этаж двухэтажного особняка еще дореволюционной постройки. Так что для меня выставка началась еще со входа. Здание уцелело от советских перепланировок, а может, просто было отреставрировано чьей-то умелой рукой. Я, не теряя времени даром, увлекла Маринку в состояние восторженного недоумения перед такой красотой. Но это еще что. Мои благоговейные высказывания померкли, когда мы вошли в первый же зал. Тут и говорить ничего не требовалось, Маринка сама прилипла ко мне как ошарашенная пиявка. Было от чего растеряться.

Первый зал, в который мы вошли, занимали панно и гобелены. Работы искусные, заслуживающие самого пристального внимания. Но в центре зала стояло творение, заставившее нас замереть надолго. Меня – проглотить язык, а Маринку сдавленно шепнуть мне на ухо: – «Ой, что это?»

На вид творению было лет пятьдесят, не высокое, изобилующее множеством морщин и увесистых жировых отложений. Оно стояло, спокойно взирая на нас взглядом усталого равнодушия. Это была женщина. Вот уж в чем не могло быть ни малейших сомнений, учитывая, что она была голая. Нет, конечно не совсем голая, скорее даже полностью укрытая длинным, до самого пола платьем, но вот платье... платье на ней было совершенно прозрачным. То есть настолько, что можно с полной ответственностью заявить, женщина перед нами стояла голая. Во всяком случае, под платьем у нее ничего, что могло бы еще хоть как-то спасти положение, не было. Под ним даже сколько-то сносной фигуры не сохранилось.

Мы с Маринкой кинулись к ближайшему гобелену, уткнулись в него носами и затаили дыхание. Рассчитывать, что она нас не заметила, было глупо, оставалось надеяться, что наши наряды не вызовут в ней желание познакомиться. Мы стояли, тупо нюхая гобелен, с такого расстояния рассмотреть его было невозможно, Маринкин кулачок вцепился в мой мизинец. Я судорожно соображала, как выйти из идиотской ситуации. Пока ясно одно. Если эта дамочка даже и сумасшедшая, она не могла попасть на выставку случайно. Охрана здесь серьезная, в этом мы уже успели убедиться. Но если она не случайная сумасшедшая, значит, она сумасшед-

шая запланированная. А если на этой выставке запланированы сумасшедшие, то чем все это может закончиться и что еще может нас здесь ждать? Что-то оптимизма мне мои размышления не прибавили. Я решила просто спастись бегством. Сообщив Маринке хриплым, срывающимся голосом, так чтобы слышала и сумасшедшая:

– Давай сначала осмотрим все залы, – засемила по кругу, стараясь изваять на лице самую радужную картину восторженной поклонницы всех возможных талантов и авангардов. Постаралась улыбнуться странной женщине, отчего взгляд ее приобрел налет сострадания. Может, мне показалось, не знаю. Я пулей влетела в следующий зал, рискуя лишиться мизинца, на котором по-прежнему висела Маринка. Вот маленькая гадость, она уже успела прийти в себя и теперь совершенно беззастенчиво рассматривала несчастную сумасшедшую. Я даже трянула ее за руку.

- Марина, – просипела я. – Мы пришли смотреть на картины.
- Да уж, картинка, – ухмыльнулась бестия, по-моему, вгоняя меня в краску.
- Марина, – только и смогла прошептать я.
- Василиса Васильевна, я в шоке.
- Она же услышит, – я впиалась глазами в широкую, мясистую спину. – Марина.
- Во всяком случае, ее не смущает, что мы можем увидеть...
- Марина.

Женщина может, и не разобрала наших слов, но шепот, конечно, добрался до ее ушей. По всей видимости, отсутствие одежды еще не означает отсутствия слуха. Она принялась медленню оборачиваться.

Я не ожидала от осмелевшей Маринки такой прыти. Она рванулась к следующему залу с такой скоростью, что чуть не выдернула мне вместе с пальцем всю руку. В ладони у меня что-то щелкнуло, я охнула, Маринка ойкнула, мы замерли, хлопая друг на друга глазами. В следующее мгновение, не сговариваясь, кинулись дальше по выставке.

Из Марины не получится разведчица.

Она как пулемет тарахтит каблуками. У меня же, получается, бежать на носках.

Мы остановились в первом попавшемся зале перед первой попавшейся картиной. Нет, это фотография. Зал фотографий и набросков карандашом. При этом зал удивительно гармоничен. И на это явно сделан акцент. Не зря. Я загляделась. Поразительная игра реальности и... мечты? Я подошла к одному из набросков. Но погрузиться в долгожданное созерцание мне не дали. Маринка схватила край моей рубашки, зацепив пальцами и часть кожи. Я взвыла белугой и уже собиралась кинуться на нее с кулаками, когда, проследив ошарашенный взгляд Маришки, поняла, что приключения наши еще не закончены. По залу плыл... Карлсон. Весь цветочный, в коротких штанишках и с ярко красным пропеллером на спине. И опять это была солидного возраста женщина. Она была не одна, целый парад ряженных тек в наш спасительный зал. Похоже, для уединения мы с Маринкой нашли на этой выставке самое неподходящее место. Неторопливые фигуры явно были настроены сосредоточиться именно здесь. Я стала соображать, как бы потише ретироваться. Желательно успеть, пока не опомнились Маринка и не принялась снабжать эту картинку своими не тихими комментариями...

– Маугли! – взвизгнула счастливая Марина, разгадав очередной наряд, и тут же захлопнула рот руками. Но поздно. Вся процессия замерла. Мы в центре внимания. Да еще обе одеты. Страшно неудобно.

Маугли, это мужчина лет сорока пяти – пятидесяти в набедренной повязке. На нем эта единственная деталь гардероба смотрелась невероятно комично. Надо сказать спереди ее и разглядеть было почти невозможно под нависающим животом. Да и весь он в образе подвижного мальчика... это что-то. Рыхлый, неуклюжий, с заметной отдышкой, аккуратно причесанный, с мягкими улыбочивым лицом... вообще Ширхана понять можно. С этим «малышом» можно надолго решить вопрос продовольствия.

Если бы не крайняя степень смущения, то я бы рассмеялась.

– Здравствуйте, – произнес Маугли. Голос у него очень располагающий. Кажется я начала немного расслабляться.

– Здрасти, – кивнула Маринка. – Хорошая выставка.

Он согласно кивнул и, отделившись от своих товарищей, приблизился к нам. Остальные вернулись к своим разговорам. Вообще, я так начала замечать, что отношение к нам у всех этих странных людей довольно-таки равнодушное. Никого всерьез не волнует, ни откуда мы взялись на закрытом мероприятии, ни наш глупый наряд. Скорее всего, все эти люди уже привыкли, что один-другой сторонний зевака обязательно затянется в их огород. Вот и сейчас, этот Маугли идет к нам, не потому что его интересует или возмущает наше присутствие. Просто его окликнула Маринка, и он откликнулся. Похоже отношения здесь довольно раскованные. Да и странно было бы ожидать других от Маугли, или, например от Карлсона. Кажется, я себя убедила. Можно и пообщаться. А может раздеться?

– Это зал нашей Верочки, – начал он запросто, по-свойски. – Правильно, что вы решили начать отсюда.

– Она фотограф, – очень к месту заметила Маринка.

– Фотохудожник, – мягко поправил Маугли. – Верочка художник. Посмотрите, – он подошел к одной из фотографий, на которой был заснят густо алый закат обливающий своим сочными покрывалом широкое поле и лес с церковью на берегу небольшого озера. Игра света, уловленная объективом, шокировала. Смешение естественных красок, блеск озера дало игру теней и светопреломления. Лес стал желтовато-коричневым, озеро ярко красным с отходящим от него черным берегом. Совершенно неестественная, неземная картинка. Даже маленький грибник на берегу предстал чем-то нереальным и черно зловещим.

– Ведь это осень, – произнес Маугли. – Это осень среди лета.

– Лета? – я присмотрелась. Действительно, широкие, раскидистые стволы в густой листве, высокая, крепкая трава, камыш. Конечно лето.

– Поразительно, – я не смогла удержать восхищения.

– Произведения нельзя смотреть мельком, – улыбнулся Маугли. – Произведение это не кадр из жизни. Это жизнь. Возможность увидеть жизнь, такой, какая она есть. На секунду отойти от привычных поверхностных характеристик. Желтый, красный, значит осень. Белый – зима. Зеленый – лето. А так ли на самом деле? – Маугли внезапно повернулся и посмотрел мне прямо в глаза. Я слегка растерялась.

– Мы не познакомились, – внезапно констатировал он. Повернул голову к Маринке, улыбнулся: – Я вас обманул. Я не Маугли. Я Валентин Петрович.

– А, – Маринка растерялась лишь на мгновение. – Марина Анатольевна.

– Василиса Васильевна, – представилась я. – А ваши работы, здесь тоже есть?

– Да, там, в начале, гобелены, – он как будто слегка смутился, но скорее это все же наиграно. Своей обширной груди он перед нами не смущается.

– А, ковры, там, я видела, где еще... – Маринка осеклась. – Классно, мне понравилось. Правда, мы там еще всерьез не всматривались. Решили отсюда пока начать.

– Ковров здесь нет, – спокойно выслушав Маринкины выпады, произнес Валентин не Маугли. – Гобелены.

– А их же руками делают? – облила полным безразличием вопросы толкования Маринка. – Это же полностью ручная работа.

– Да, – кивнул художник. – А вы здесь случайно, или к кому-то?

– Мы к кому-то, – деловито кивнула Маринка.

– Случайно, – уточнила я, опасаясь, что и слишком приближенных могут начать раздевать.

– Понятно, – он не стал навязывать нам свое общество сверх меры. Тактичный мужичок оказался. Сообщил что:

– Если будет что-то непонятно, спрашивайте, не стесняйтесь, – и, не торопливо развернувшись, пошел к своим.

– Круто, – выдохнула Маринка.

– Ужас, – согласилась я.

Уж если я была способна еще чему-то удивляться на этой выставке, то мне очень скоро представилась такая возможность. Мы с Маринкой еще рассматривали фотографии. Должна признаться, я основательно зацепилась в этом зале. И хотя соседство с толпой полуголых меня коробило и отталкивало, работы этой незнакомой мне руки не отпускали. Кажется, даже были моменты, когда я забывала о необычном соседстве. И только когда Маринка в очередной раз цокала каблуком, я вздрагивала, и мне вновь начинало казаться, что мы в центре внимания. Ну, уж слишком сильный контраст дают наши две костлявые, да еще и на каблуках, фигуры. И вот когда я практически решилась лишиться свою душу удовольствия ради комфорта тела, явился он.

Я думала, у меня глаза выпрыгнут. Откуда? Мир все еще тесен или окончательно скукожился?

Звездин?!

Он шел не один. Не прерывая разговора, они вошли в зал. Женщина приятной, тонкой внешности в легком шелковом халате на голое тело, слушала. По ее прямому, не без жесткости, лицу было трудно разобрать эмоции, которые рождала речь Звездина. Впрочем, к словам его она относилась серьезно, даже когда вся толпа «ряженных» встретила ее дружными возгласами, она не прервала диалога. Остановилась, повернула голову к адвокату, легко, совершенно не обременительно для своего лица улыбнулась, что-то сказала и только после легких, взаимных кивков, они со Звездиным разделились.

А мне сначала показалось, что Звездин меня не заметил. Я ошиблась.

Еще даже не глядя в нашу с Маринкой сторону, он направился именно к нам. Я была удивлена его появлению. У меня в голове не уложилось, что подобная встреча вообще возможна случайно, но я успела подумать: «Он одет».

– Василиса Васильевна, – а он рад меня видеть. Не изображает, никаких особенных поясничаний, со всякими там целованиями рук... ну, руку вообще-то мог бы поцеловать, ну да ладно. Но рад, видно.

– Здравствуйте, Алексей Михайлович.

– Не уверен, что вы могли бы сделать для меня большой подарок, – он расплылся в улыбке, – чем-то, что вы еще помните мое имя.

– Я даже помню, что кто-то меня куда-то приглашал, – с укором произнесла я. Вообще-то я хотела только позвать, но вдруг поняла, что теперь хочешь, не хочешь, а идти придется. Интересно, а я хочу?

– Вы свободны сегодня вечером? – у него молниеносная реакция.

– Кхе, – Мариночка, спасительница Васи.

– Вы не одна, – Звездин галантно поклонился Маринке, и как-то так у них ловко получилось. Она представилась:

– Марина, – и протянула руку, а он одновременно уже ловил ее ладонь для поцелуя и представился в ответ. Значит, все-таки руки он целовать умеет.

– Какими судьбами, Василиса Васильевна? – его персона вновь оборотилась ко мне.

– Ну а зачем ходят на выставки? – произнесла я. Что-то я в воинственном настроении.

– Это понятно, – легко улыбается Звездин. Его, наверное, вообще не возможно вывести из равновесия. – Просто, – уточнил он, – я не ожидал увидеть вас на таком приватмероприятии. Да и... нет, все же поразительно.

– А вы тоже художник? – спросила Маринка.

– Нет, – Звездин растянулся в улыбке. – От этого я настолько далек, что даже позволил себе сегодня костюм-тройку.

– Какими же вы судьбами?

– Увы, исключительно деловыми. – Он вновь посмотрел на меня. – Так я позвоню вам сегодня вечером?

– Позвоните, – я пожала плечами. – Но я точно не знаю, когда освобожусь.

– Алексей Михайлович, – к нам приблизилась недавняя собеседница Звездина. Интересное у нее лицо. На близком расстоянии в нем появилась какая-то загадка. Я даже не сразу поняла, в чем дело и присмотрелась внимательнее. Нет, и тут дело было не во внешности. Скованность, неясное внутреннее напряжение, затаившееся в самой глубине темных глаз. Ей это как-то не совсем идет, это напряжение не ее чувство, похоже она не очень-то умеет с ним справляться. И от этого ее цепкий, внимательный взгляд кажется особенно растерянным. И какие у нее могут быть дела со Звездиным? Она что, подверглась уголовному преследованию?

– Позвольте представить, – быстро сориентировался Звездин, чуть посторонясь, принимая ее в наш небольшой альтернативный кружок. Мне показалось, она растерялась еще больше.

– Вероника Сергеевна, – представил ее Звездин.

– Василиса, – я представилась сама. Эти Звездиновские ритуалы очень быстро утомляют.

– Марина.

– Вера, – произнесла и художница. – Официоз у нас здесь сегодня не в моде.

– Это ваши работы? – не удержалась я от догадки, помня, что Маугли называл автора Верочкой, да и ждали ее все именно в этом зале, наверняка не случайно.

– Да, – она улыбнулась. И опять по ее лицу скользнуло напряжение.

– Невероятно, что можно увидеть, когда знаешь, что ищешь...

– Я не ищу, – перебила меня Вера. – Я это вижу, и мне это нравится. – Она помолчала. – Иногда хочется... – вновь замолчала, словно опомнилась. И опять эта неестественная волна, словно рябь на лесном озере. Вот и у меня уже ассоциации с природой. Она умеет быстро захватить в свою иллюзию. А впрочем, разве это иллюзия?

– Алексей Михайлович, – она повернулась к Звездину. – Давайте поднимемся вверх.

– Да, конечно, – Звездин слегка засуетился, посмотрел на меня. – Так я позвоню.

– Конечно, звоните.

Мы вновь остались с Маринкой наедине и наконец получили возможность спокойно заняться тем, зачем пришли.

Глава 2

Он действительно звонил вечером, но я успела изрядно измотаться на жаре, да и после выставки хотелось побыть наедине со своими мыслями. Только после его звонка, подумалось, а ведь я ему не давала свой телефон. Впрочем, у нас есть общие знакомые... а может и давала раньше, да забыла... да нет, был, был, но он его не потерял, не выкинул, сохранил ведь мерзавец зачем-то. Интересно, позвонил бы, если бы случайно не встретились? А впрочем... Я вернулась к мечтам и впечатлениям о выставке. А на следующий день снова была жара и снова работа. И Маринка была занята, навестила меня всего пару раз, мы сходили покурить, болтали опять же о выставке. Я ей благодарна. Действительно это был подарок. Потом Маринка умотала в городскую командировку, а я углубилась в проект. Вообще-то работы многовато, а хочется в отпуск. И после вчерашней культурной программы хочется еще сильнее. Хочется уже очень. И тоска такая по мольберту. Ну вот, есть же настроение, и именно сейчас совершенно нет возможности.

К вечеру поднялся легкий ветерок, прямо специально для меня. Вышла из проходной, и с ветром явился Звездин. Вернее, сначала у носа явился из воздуха букет сирени (ну это уже ни в какие ворота не лезет, он просто не имеет права знать, что я люблю сирень, я ему этого не говорила), следом образовалось довольное лицо. И где этот самодовольный тип узнал о моих пристрастиях?

– Хотел сделать сюрприз, – виновато произнес он. Похоже выражение моего лица красноречивее любых слов.

– Ух ты, – я вцепилась в толстый букет. Гадство! Он применяет запрещенные приемы. Сирень меня деморализует.

– Простите, Василиса, что я так спонтанно, – голос стал увереннее. Мерзавец. – Но вы вроде вчера по телефону не дали жесткого отказа.

– Я и согласий никаких не давала, – огрызнулась я, утопая в чарующем аромате. Ох, слабенько огрызнулась. Ох слабенько.

– Хотел позвонить сегодня, но совершенно не было времени. Решил сюрпризом.

– Я люблю сирень, – призналась я, глянув на Звездина через букет. Кажется, физиономия моя цветет. А он и рад, гад.

– Я заказал столик в ресторане, – совсем неуверенно тянет. Еще бы. Сейчас, я соберусь и скажу ему все, что думаю о его самоуверенности... сейчас... сейчас, еще чуть-чуть... сейчас ему конец... ну-у, сейчас... еще раз понюхаю цветы.

– Заказал на восемь. Подумал, вам же надо собраться. К тому же вы будете ругаться, что без спроса, потом я буду извиняться и просить прощения и снова вас уговаривать... ну, вообще, я так подумал, часа два нам хватит? А то вам же завтра на работу. Да и мне, честно говоря.

– Я терпеть не могу, когда за меня решают, – какого черта я ему объясняю? Я должна развернуться и молча уйти... сирень. Вот гад.

– Виноват, – Звездин уронил голову. – Готов к любому наказанию. Чем могу загладить вину?

– Самосожжение, – жестко отчеканила я.

– Хорошо, – вздохнул он. – Только одна просьба. Последняя, прошу заметить.

– Какая?

– Часов в девять приступить. После ресторана.

– Ох, – я уже всерьез задумалась. – Я не планировала, как-то...

Что и говорить, конечно, он настоял на своем. Тем более для сопротивления у меня сил-то не осталось. Солнце зомбирует меня и лишает воли, и он этим воспользовался. Наверное,

он не плохой адвокат, чужие слабости его сильная сторона. Короче говоря, мы отправились на его шикарной машине ко мне, он терпеливо дождался меня на улице, пока я переодевалась, принимала душ и вообще, наспех приводила себя в надлежащий вид. Когда я вышла на улицу, я даже сама себе понравилась. Вечернее платье, которое мне когда-то подарили девочки, сидело прекрасно. Материал приятный, мягкий, я и не надевала это платье-то еще ни разу. Так, несколько раз померила дома, покрутилась перед зеркалом, а достойного повода пока не было. Сидит хорошо, может немного слишком открыто, но это ничего. Проверим стойкость «железного» адвоката. К платью и туфли... каблук мне несколько высоковат, я эти шпильки вообще не очень люблю, «ходули» для экстремалок, но один раз можно, гулять так гулять. Вообще-то не хватает только прически, но это мы уже, наверное, не успеем.

– Я не долго? – Спросила я, заливая эхом каблуков родной переулочек.

– Боже, – выдохнул Звездин. Сначала у него был вид, утомленный ожиданием, теперь он совершенно растерялся. А что он собственно ожидал увидеть. Что я вылечу из подъезда в ступе с помелом?

– В парикмахерскую мы уже не успеем? – деловито поинтересовалась я. Надо пользоваться растерянностью противника. Вопрос прически это все же немного интимно, но сейчас Звездину не до гонора знатного мачо, ему бы с глазами своими справиться. Да и вообще, не моя вина, что он вместо того чтобы назначить место встречи и дать мне время собраться и сделать все свои дела, предпочитает болтаться под ногами, как бездомная собака.

– А, – он еще не очухался. Слабенький оказался. – В парикмахерскую?

– Да, – кивнула я недовольно. – Я собиралась сегодня сама пойти, но, как-то выбили вы меня из колеи.

– Честно говоря... – он глянул на часы, молча уставился на меня. Ну что с ним делать? Теперь еще и говорить разучился.

– Сколько уже?

– Десять минут девятого...

– А, – махнула я рукой. – Парикмахерские уже закрыты.

– Жаль, – не особенно печально произнес Звездин.

– Ну, что же делать, поедем так.

– У вас нормальная прическа...

– Назовем это так, – отмахнулась я. – Благодаря вам, я в кои-то веки выбираюсь в приличное место неряхой.

– Не сказал бы...

– Поехали, – вздохнула я.

Мы не поехали, мы полетели. По-моему пару раз даже оторвались от земли. Я бы все ему сказала по поводу такой езды, если бы была способна одновременно говорить и прощаться с жизнью. Это он мне мстит так, точно. Ну, может, я и навредничала немного, но это же не повод гоняться за голубями.

Ресторан оказался дорожный, если только можно об этом судить по внешнему виду. Нас приветливо встретили, проводили к нашему столику. Я еще не успела адаптироваться к обстановке, когда у Звездина зазвонил телефон. И на этом романтический вечер закончился.

А я уж думала Звездина ничто не способно вывести из равновесия, но когда он спрятал в карман телефон, я поняла, что ошибалась. На адвокате не было лица. Он пытался что-то говорить, продолжать вечер, но не особенно это у него получалось. Он уже был не здесь.

– Что случилось? – напрямую спросила я.

– Что? – Он, даже взгляд на мне сфокусировать не может. – Случилось?

– Что случилось? – Чуть громче и напористей повторила я свой вопрос.

– Это... – он сделал неясный жест. – Там... по работе...

– Что-то серьезное?

– Да как... – он все не мог вернуться к действительности. – Нет, в принципе... это нет... там... не важно, – Звездин мастерски смахнул с лица наваждение, но в глазах его чувствовалось напряженное размышление. – Думаю, нам пора заказать что-нибудь...

– Вам надо ехать, – попыталась я угадать его мысли.

– Мне? Куда?

– По работе, – если он будет продолжать изображать из себя бетмена, я не удержусь в рамках приличных выражений.

– Да нет, – он пожал плечами, задумался. – Не обязательно.

– Ресторан можно перенести на другой день. Рестораны никуда не денутся, – улыбнулась я. – К тому же у меня, наконец, будет время заняться своей головой.

– Да? – Звездин совсем уж засмутился. Не любит он, когда обстоятельства оказываются сильнее его.

– Из-за ваших сюрпризов, – продолжила я увещевания, балзамируя его совесть, – вечер у нас получился немного скомканным. Давайте договоримся на другой раз, и все пройдет спокойно. Авантюризм привилегия молодых.

Кажется последний мой аргумент, не столько успокоил его, сколько задел за живое. Может он считает себя мальчиком? Мужчины вечные дети. Поэтому я и сына родила. Вдруг (впрочем для него может это и не было «вдруг», наверное он размышлял говорить мне или не стоит, а может мое последнее заявление про возраст раззадорило его и он решил оправдать внештатную ситуацию разрушившую его надежную конструкцию этого вечера, мужчины так любят оправдываться), Звездин заявил:

– «Ника» горит.

– Что?

– «Ника» – дом моды Вероники Сергеевны, вы с ней вчера знакомились.

– Вера? – Я на какое-то время потеряла дар речи.

– Да, – кивнул Звездин. – В принципе мне там быть не обязательно, там есть мой человек. – Он помолчал. – Обычно я присутствую при подобных событиях, но это, в принципе, не связано ни с какими обязательствами.

– А с самой Верой все в порядке? – Спросила я, не очень понимая, как с этим всем вообще связан Звездин.

– Не знаю, – ответил он. – У меня не хорошее предчувствие...

– Вы думаете с ней, что-то могло случиться?

– Я не знаю.

– Так надо ехать. – Я вскочила. В голове не уместается, как это он не связан обязательствами. Он знает человека, у человека дом горит, а он тут расслаживается и что-то мне тут еще объясняет. Ну и человек. Сейчас я просто не в состоянии трезво рассуждать, но когда приду в себя, я ему все выскажу.

– Вы хотите поехать? – Звездин поднял брови. Ну и сундук.

– Разумеется!

– Но, – он замялся, – скорее всего, картина там не особенно приятная.

– Почему вы тянете? – Я уже плохо сдерживаюсь. – Вам что, действительно безразлично?

– Как хотите, – Звездин пожал плечами, вышел из-за стола. Мы направились к выходу. Он тащится как ленивая улитка, так и хочется дать ему пинка.

Наконец мы добрались до машины и поехали по погружающемуся в удушливый сумрак городу. Я одновременно и злюсь на Звездина и пытаюсь разобраться с нахлынувшими чув-

ствами. Мне немного жутковато, но одновременно кажется, что я выгляжу глупо, уж от меня-то там точно толку будет мало. Есть пожарники, есть, в конце концов, Звездин с непонятными какими-то отношениями с этой Верой, да и человек его какой-то уже там... вот только почему Звездин летел в ресторан на бешеной скорости, а сейчас чапает как в карете, еще в такой позочке расслабленной. Не сильно же он переживает из-за этого пожара.

– Да? – Звездин ответил на телефонный звонок. – Так... да... сколько?... понял. Я сейчас подъеду, держи там пока все на контроле. Да, до связи. – Он убрал телефон, некоторое время задумчиво молчал, затем коротко глянул на меня и произнес:

– Там жертвы, может, все же лучше я отвезу вас домой...

– Жертвы? – Я ощутила, как морозец пробежал у меня по коже. – Кто-то погиб?

– Да. Пожарные уже почти закончили, теперь, видимо, делом займется милиция.

– Кто погиб? – Не без труда выдавила я вопрос.

– Пока не знаю, – Звездин все глубже погружался в свои мысли, со мной он говорил больше машинально. Теперь я чувствовала себя совершенно лишней, но и как покинуть эту ситуацию, когда страшно до чертиков и Звездин ушел в себя, не хочется его отвлекать. Вобщем, сижу, трясусь и мне очень не хорошо.

Мы подъехали к той самой выставке, на которой я была вчера. Повсюду лужи, машины, пожарные, милиция, скорая, дым, пахнет гарью, ходят люди, собралась целая толпа зевак. Звездин остановился в стороне, ближе мы бы и не смогли подъехать, меня совсем не замечает. Я вжалась в сидение, жду, когда он меня заметит и спросит, откуда я тут взялась. Внезапно хлопнула задняя дверца, к нам кто-то подсел.

– Ну что, Сев? – Не оборачиваясь, спросил Звездин.

– Номер ноль, – коротко отозвался мужчина.

– Давненько, – вздохнул Звездин.

– Да, – согласился мужчина.

– Слишком нагло. А может «мажор»?

– Может.

– Ладно, – Звездин замолчал. Он думал и ему никто не мешал. Спустя минуты две, он произнес: – Давай-ка, Сев, по первой категории покачай, а там видно будет.

– Понял.

Больше они не говорили. Мужчина молча вышел из машины, закрыл дверь. Несколько минут мы сидели молча, затем Звездин повернул ко мне голову, улыбнулся... может я чего-то не понимаю?

– Кажется, я испортил вам вечер, – сказал он, не теряя своей грустной улыбки. – Домой?

– Я могу сама...

– Да нет, – он торопливо перебил меня. – Я уже свободен. Нам нечего здесь делать. Если уж я мог испортить вам настроение, то, похоже, я с этим справился.

Я повернула голову в сторону выставки. Пожарные, не торопясь, скручивали шланги, некоторые курили. Похоже, ажиотаж уже спал, и печальное событие стремительно погружалось в пучину все пожирающего прошлого.

– Кто там погиб? – спросила я.

Звездин ответил не сразу. Некоторое время он задумчиво смотрел на меня, затем отвернулся, завел двигатель и тронулся.

– Что случилось, то случилось, Василиса Васильевна, – произнес он. – Есть вещи, которые не возвращаются и не поправляются, о них просто не надо думать.

– Вера, – сказал я то, что не хотела слышать и думать.

– Я отвезу вас домой.

– Боже мой, – я еще не до конца осознала всего того, что сегодня случилось, но уже была уверена, что, наверное, мне сегодня будет плохо. Мне уже плохо.

– Что поделаешь, – Звездин кашлянул. – Такие вещи иногда случаются. Никто из нас не застрахован от несчастий. Извините, Василиса, что невольно втянул вас...

– Я ее даже не знала. Я видела ее раз в жизни, но она была такая... – я замолчала не находя слова.

– Живая, – сказал Звездин. – Она всегда была живая... Василиса, попробуйте просто не думать об этом. Ой беда, ну зачем я вам сказал...

– Вы не в чем не виноваты, – отрезала я. – В подобных вещах никто не властен. Успокойтесь.

Мы въехали в мой переулок, когда уже начало смеркаться. Звездин плавно притормозил у подъезда. Прощание не заняло много времени. Он предложил зайти и побыть какое-то время со мной, я отказалась. Спасибо ему, конечно, но я из тех, кто предпочитает побыть одной, когда плохо. Договорились, что он позвонит, на том и расстались.

Вечер прошел все же спокойно, удалось отвлечься. Почитала и быстрее уснула, а вот следующий день не задался сразу. Во-первых, отключили горячую воду, во-вторых, забыла сумку... сумку! И сразу поняла, что голова сегодня работать отказывается, где-то летаю. Пришлось возвращаться, смотреться в зеркало. Только вышла, вызвала лифт, первый же шаг и хрясь, каблук конец. И снова домой, переобуваться, смотреться в зеркало... и, черт побери, это были мои последние приличные туфли! На работу я ехала уже в самом что ни на есть «прекрасном» расположении духа.

В метро, какой-то стремительный пенсионер ушиб мне плечо необъятным рюкзаком, в котором легко уместилась бы я сама вместе со всем своим отделом, разве что весили бы мы меньше. На работу я пришла запыхавшаяся и растрепанная, совершенно не готовая что-либо строить, только разрушать. Наверняка кому-нибудь я бы разрушила настроение, если бы спустя пол часа ко мне не ворвалась Маринка с выпученными глазами и не завопила, что жизнь ее разрушена, что смысла продолжать сопротивление невзгодам больше нет, что все эгоисты и справедливости нет. Пока она метала громы и молнии, я поняла, что мне стало лучше. Во всяком случае, похоже, кому-то сейчас хуже.

– Что случилось, Мариш? – Успела спросить я, пока она переводила дыхание.

– Учеба, работа, планы, муж, дети, внуки, – вдруг что-то вспомнила. – А кругосветное путешествие! Я хотела съездить в кругосветное путешествие. Это же была моя мечта! Все, – и она осела.

– Может еще получится? – Робко поинтересовалась я, боясь тревожить ее в момент, когда она лишилась мечты.

– Нет, все, – она покачала головой. – Конец.

– Что случилось? – Вновь поинтересовалась я.

– Жизнь закончена.

– Так серьезно?

– Все плохо, все очень серьезно...

– Да что произошло-то?

– Мне звонила милиция, – упавшим голосом подытожила Маринка.

– И что? – Я ждала продолжение, но по лицу Маринки можно было заключить, что все самое страшное уже сказано, а мой дополнительный вопрос лишь проявление не вменяемости. Но я настаивала:

– По поводу чего звонили?

– Ну, – Маринка развела руками, свела брови. Похоже суть разговора зацепилась в ее памяти значительно хуже самого факта звонка. – Ну, как... – мямлила она. – Так, это... а, ну... про выставку... а, ну да! Когда мы пришли, когда ушли...

– И?

– И все, – Маринка пожала плечами. – Какая разница, – она села на стол. – Мне конец. – Посмотрела на меня. – Тебя я не выдам.

– Спасибо.

– Наверное что-то украли. – Продолжала замогильным голосом рассуждать Маринка. – А у меня даже алиби нет. Все, это конец. Уж я-то знаю, у нас это быстро делается, не то что в какой-нибудь задрипанной Америке. У нас сразу – десять лет без права переписки. – Маринка умолкла, погрузившись в глубокий траур.

– Мариш, – произнесла я. – Что ты мелешь. Сейчас не те времена. – Я напрягла логику и все знания в этой области. – Точно, сейчас можно переписываться. Переписку не запрещают.

– Писать можно? – Маринка подняла на меня два океана тоски.

– Какую переписку? – До меня только что дошел смысл нашей беседы. – Какие десять лет!? Что ты несешь?

– Что я несу. – Она надула губы, по-моему, собираясь разреветься. – Ничего я не несу!

– Маринчик, да ты чего, – я подняла со стула свою пересушенную духотой кабинета арматуру, подошла, взяла Маринку за плечо. – Ты с ума сошла. Думать не о чем, вообще.

– Как же не о чем, – под глазами блеснула жемчужинка слезы. – Милиция так просто не звонит.

– С ума сошла, – я не сдержала улыбки. – Пошли курить.

– Курить? – Она шмыгнула носом.

– Пошли, пошли, – я стащила ее со стола. – Я знаю, почему тебе звонили. На выставке был пожар, я там была.

– Пожар?

– Да, выставка горела.

– Горела? – Маринка захлопала ресницами. – Ничего там не горело.

– Горело, горело, я сама видела...

– А почему я не видела? – Маринка принялась напряженно шмыгать носом. – Я еще не совсем идиотка. Ничего там не горело. Там голые тетки и дядьки были, знакомый ваш был одетый...

– Вот именно знакомый и отвез меня потом туда еще раз. И там все горело.

– Горело?

– Горело, – я кивнула. – И все сгорело.

– Все сгорело?

– Все.

– Ах, – Маринка накрыла лицо руками, оставив только две лепешки глаз. – А тетки?

– По-моему там погибла Вера.

– Ай, – Маринка запищала. – Вера! Погибла! Кто это, Вера?

– Фотохудожница, помнишь, мы знакомились...

– Ой, помню, твой друг нас знакомил.

– Вот именно. И еще он странно себя вел...

– Да-да, – Маринка замахала руками. – Странно, странно. Я сразу заметила. И он одетый был.

– Не в этом дело.

– Не в этом?

– Он потом странно себя вел.

– Потом тоже странно, – Маринка закрыла рот рукой. – Ой, это странно.

– Я весь день сама не своя, – призналась я. – Все это очень...

– Странно.

– Нет, – я помолчала, подыскивая более точное определение. – Это все очень подозрительно.

Маринка хлопает на меня глазами. Стоим, смотрим друг на друга. Мне наше молчаливое хлопанье глазами кажется комичным, вчерашние события ужасными, собственное равнодушие ко всему этому кошмарным. Мне надо работать, я хочу в отпуск, мишура окружающей жизни безумно утомительна. Я устала и хочу...

– Курить, – выдохнула Маринка.

– Да, – согласилась я.

Маринкино повествование было коротко, как все гениальное с той лишь разницей, что ничего гениального не прозвучало. Она сообщила, что в тот самый момент, когда она находясь в прекрасном расположении духа готовила шефу на подписание отчет, параллельно оценивая свои возможности и желания на тему грядущего отпуска, как гром среди ясного неба грянул звонок по телефону. Спокойный, уверенный голос представился милицией и сообщил, что ему стало известно о посещении Маринкой выставки. Вернее того, что у Маринки было приглашение. Голос поинтересовался, была ли там Маринка, одна ли и когда ушла. На все вопросы Маринка ответила, голос вежливо попрощался, она отключила телефон и через секунду поняла, что ее спокойный и счастливый мир рухнул. Дальше была моя очередь рассказывать и Маринка уже предчувствует, что здесь будет интересно, она и сигарету закурила только когда дошла очередь говорить мне. И я поведала ей историю вчерашнего вечера. Поведение Звездина, казавшееся мне по крайней мере подозрительным, у Маринки вызвало волну святого гнева:

– Да как он мог!

Я пожала плечами, признавая его низкую подлость, хотя признаться честно, пока не поняла, что именно в его поведении показалось Маринке непозволительным.

– Но, как ты могла! – Воскликнула Маринка окончательно вогнав меня в логический тупик.

– Ну, вот, – протянула я виновато.

– Сумасшедшая, ты в опасности! – Новая пугающая версия. Проще принять на веру, чем понять.

– Что же делать? – Маринка задумалась. Я решила ей не мешать. Все-таки она меня спасает. Если и не понятно от чего, то, по крайней мере приятно.

– Мы должны все выяснить, – пришла к выводу Маринка и ткнула в меня пальцем. – Я тебя не оставляю.

– Хорошо...

– Что хорошо?

– А, ну... – я растерялась. Маринкину мысль я потеряла давно, если вообще ее уловила и похоже сейчас буду разоблачена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.